

„Socialistisches Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
et Yougoslavie.
Preis in Deutschland und
sonstigen Ländern . . . 70 pf. (4 fr.)

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 2 (334)

15-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр.,
на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.;
для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр.,
на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, г. Broca,
(Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Принем по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

25 Января 1935 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: «Bâtiment 11»

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: Стрельба грязью.
Ф. Дан. «Знатные люди страны».
П. Гарви. Гуманизм диктатуры.
С. Шварц. Суровый курс.
А. Шифрин. Рим, Саар и Восточный пакт.
Ф. Д. Недоразумения — политические и иные.

Отклики Интернационала на события в СССР: Франция. —

Фельетон: Ф. Дан. 30-летие «кровавого воскресенья».

Отто Бауэр. — Соединенные Штаты.
Заграницей: Английская Рабочая Партия о войне и мире. —
Общевострийская социалистическая конференция.
По России: Впечатления иностранки. — Письмо из Украины.
Из Партии: Партийные организации Советского Союза о дви-
жении к единству.

Издания, поступившие в редакцию. — Почтовый ящик.

СТРЕЛЬБА ГРЯЗЬЮ

В советских газетах от 18 января опубликованы одновременно: приговор Военной Коллегии Верховного суда, коим 19 членов компартии, с Зиновьевым, Каменевым, Евдокимовым, Гертиком, Федоровым и др. во главе, присуждаются к тюремному заключению на сроки от 5 до 10 лет, и постановление Особого Совещания при Наркомвнуделе об административной расправе с 78 коммунистами, в числе которых также имеются виднейшие деятели большевизма и из которых 49 (Залуцкий, Вардин, Костина и др.) заключаются в концентрационные лагеря на 4-5 лет и 29 (Сафаров, Равич и др.) направляются в ссылку на 2-5 лет.

По существу об этом разгроме старой гвардии большевизма незначительно прибавлять что-либо к тому, что было уже сказано в резолюции ЗД и комментировано в предыдущем номере «С. В.». Точно так же вряд ли нужно останавливаться по существу на самом процессе Зиновьевской группы, прошедшем в ставшем уже обычным порядке жандармско-застеночной юстиции. Что «московский центр» не имел никакого отношения к убийству Кирова, это — нельзя сказать: должен был установить и сам суд, ибо такого рода «суд» устанавливает все, что ему прикажут, — но можно сказать: позволено было установить и самому суду. Но зато суд «установил», что обвиняемые «знали о террористических настроениях ленинградской группы и сами разжигали эти настроения». И эта вина их устанавливается по заведенному уже трафарету: истинное преступ-

ление подсудимых заключается в том, что они пытались в рамках партии бороться за смену партийного руководства и, в частности, генерального секретаря партии, великого и гениального Сталина. Но, так как в большевистской партии не существует и не может быть никаких легальных способов смены якобы выборного ЦК и вдобавление выборного секретаря, ибо ЦК и, особенно, его секретарь сами назначают тех членов съездов, которые должны их якобы выбирать, то естественно, что злоумышленники должны были искать для совершения кощунственного преступления средств нелегальных и тщательно скрывать свои злодейские замыслы от «партии», т. е. от тех самых ЦК и его секретаря, против которых они злоумышляли, должны были «двурушничать». Но какими-же нелегальными средствами могли они располагать — при отсутствии всякой возможности массовой агитации даже в рамках партии, не говоря уже о вынесении этой агитации за пределы партии — кроме тех, которые умещаются в пространстве между организацией иностранной интервенции и террористическим покушением? Этой нехитрой софистики оказывается достаточно для большевистского суда по любому политическому делу. Ее оказалось достаточно и для того, чтобы можно было упечь в тюрьму многолетних вождей большевистской партии. В этом отношении суд над Зиновьевым и Каменевым ровно ничем не отличается от всех других сталинских судов. И если что выделяет этот процесс из ряда других, то разве те герку-

лесовы столпы самооплевания, до которых дошли подсудимые. Много унизительно-покаянных речей пришлось слышать на таких процессах, но чтобы обвиняемые сами клеймили себя, как «контр-революционную сволочь» (показание Евдокимова), — этого как будто никогда еще не бывало...

Но, быть может, именно этот эксцесс самооплевания и характерен для всей обстановки, в которой происходит разгром старой гвардии большевизма. До самого опубликования приговора можно было думать, что и этот процесс закончится кровью. Как иначе можно было понять те резолюции, которые печатались в «Правде» и сплошь требовали казни для «изменников»? Как иначе можно было понять передовицу «Правды» (17 января), которая еще накануне опубликования приговора выражала уверенность, что «пролетарский суд услышит этот голос и примет его во внимание при вынесении своего приговора»? Но в последнюю минуту рука Сталина, видимо, дрогнула. Он испугался того конца, которым неизбежно грозила бы попытка начать повторение той кровавой расправы с вождями революции, на которой полтора века тому назад сломало себе шею французское якобинство. Он не решился стрелять в этих вождей пулями, он предпочел стрелять в них — грязью.

Мерзавцы, бандиты, фашистские выродки, злейшие враги рабочего класса, белогвардейцы, жжены, клеветники, обманщики, «контр-революционные подлецы» — нет таких сильных и ругательных слов, которые не обрушивались бы в бесчисленных резолюциях, статьях и речах на головы осужденных, заточенных и сосланных. Сталин и его подручные могут сотни раз повторять, что речь идет о людях, которые «не раз выступали против Ленина и его партии еще в дореволюционные годы» и были «штрейкберхерами» в 1917 году. Но всякий, не только рядовой рабочий и крестьянин, но и рабочий и крестьянин коммунист, и особенно коммунист, не может не вспомнить, что все эти потоки грязи выливаю-

ся на людей, которые до 1917 года вместе с Лениным закладывали основы большевизма и были его вернейшими оруженосцами; которые в 1917 году делили с ним досуги в пресловутом Сестрорецком шалаше; которые после 1917 года были им самим назначены на посты председателей петербургского и московского советов и даже на пост председателя Коминтерна, верховного законодателя для всего международного коммунистического движения; которые после смерти Ленина вместе со Сталиным образовали в Политбюро диктаторскую «тройку»; и т. д.

Если эти люди всегда были штрейкберхерами, предателями и мерзавцами, — то почему сам Ильич назначал их на самые руководящие посты, а Сталин три года делил с ними власть? И чего стоит в этом случае сформированная ими большевистская партия, построенная ими государственная советская система, выпестованный ими Коминтерн? И, главное, где гарантия, что те, которые сейчас стоят во главе партии, советов и Коминтерна и которым сейчас воздаются такие-же жестокие почести, какие воздавались в свое время Зиновьеву и Каменеву, не окажутся, в конце концов, такими же предателями и «мерзавцами», какими объявлены ныне павшие вчерашние полубоги?

Разумеется, можно только порадоваться тому, что еще несколько лишних десятков человеческих жизней не прибавилось в синодике жертв сталинского террора. Но, стреляя во все прошлое большевизма не пулями, а грязью, Сталин лишь тем более опасную рану наносит той советско-диктаторской системе, той партии и тому международному коммунистическому движению, на которые он опирается: раны от пуль затягиваются и заживают, раны от грязи ведут к гнилостному разложению. Даром ни для Сталина, ни для всего террористически-диктаторского режима его расправа с старой гвардией большевизма и со всем ее прошлым не пройдет...

„ЗНАТНЫЕ ЛЮДИ СТРАНЫ“

I.

Период «генеральной линии» характеризуется, прежде всего, бурным развитием производительных сил в промышленности и сельском хозяйстве. В отличие от нэпа, ставившего себе главной задачей восстановление, оживление и освоение в интересах удовлетворения потребительских нужд населения тех производительных сил, которые были унаследованы от прошлого, но за время гражданской войны и военного коммунизма были разрушены или омертвлены, лежали неиспользованными, — генеральная линия поставила себе задачу «строительство», созидание новых производительных сил.

Можно спорить о том, насколько рационально было проектировано и выполнено строительство. Можно с уверенностью утверждать, что в рамках социально-политического уклада террористической диктатуры ново-созданные производительные силы не могли, не могут и никогда не смогут быть в отдаленной степени использованы в полную меру своей возможной эффективности. Но нельзя отрицать, что исторически-прочное достижение периода генеральной линии состоит в создании и накоплении такого технико-производственного «потенциала», который уже коренным образом изменил хозяйственное лицо страны и еще больше изменит его, когда социально-политическая обстановка позволит перевести эту громадную потенциальную производственную энергию в энергию кинетическую, сделает возможным «сто процентное» использование ново-созданного в

промышленности и земледелии производственного аппарата.

В этом смысле хозяйственные достижения периода генеральной линии неоспоримы. Но и этот период клонится к концу. Конечно, строительство не останавливается и, вероятно еще долго не остановится; но темпы его — по сравнению с намеченными было планами — замедляются и будут замедляться и дальше. Конечно, огромное внимание продолжает посвящаться и еще долго будет посвящаться производству средств производства; но все возрастающая доля внимания уже отдается и будет отныне отдаваться производству средств потребления. Конечно, и впредь будут воздвигаться новые фабрики и заводы, выбрасываться новые тысячи тракторов и сложных с.-х. машин на поля; но на первый план выдвигается и будет выдвигаться надлежащее использование, освоение уже имеющегося производственного богатства.

Как видим, заканчивая свой круговорот, период генеральной линии возвращается к тем-же хозяйственным задачам, которые стояли перед нэпом, но возвращается на значительно более высоком технико-производственном уровне, обогащенном всеми достижениями «пятилеток». И, соответственно такой эволюции экономического базиса, нэповская старина начинает слышаться и в идеологических новизнах завершающегося периода генеральной линии: не только в непосредственных теоретико-экономических построениях, но и в тех более высоких и тонких сферах идеологической надстрой-

ки, которые связаны с экономическим базисом лишь рядом посредствующих звеньев.

От «производственной» смочки, которая с переходом к генеральной линии и к коллективизации крестьянства была объявлена высшей формой связи между городом и деревней, теоретическая мысль официальных советских экономистов возвращается к объявленной уже было «изжитой» смочке рыночной. И в этом теоретическом повороте отражается поворот практики. Не в том смысле, чтобы большевистская диктатура решила отказаться от коллективизации и ставить, как во времена нэпа, ставку на «вростание» единоличного крестьянства в ту систему государственного хозяйства, которую она называет социализмом. Нет, такой задачи, к тому же исторически уже невозможной, диктатура себе не ставит и ставить не может. Она по-прежнему стремится и будет стремиться к интегральной коллективизации крестьянства, по-прежнему будет вгонять остатки единоличных хозяйств в колхозы мерами давления и принуждения. Но самый характер этих мер меняется. Если политика производственной смочки требовала насильственной производственной экспроприации единоличного крестьянства, прежде всего — в лице его наиболее зажиточной, «кулацкой» части, то теперь той же цели окончательной ликвидации единоличных хозяйств добиваются все больше мерами совершенно иного порядка — теми самыми, которые применялись к крестьянству и в эпоху нэпа. Политика насильственного раскулачивания вытесняется определенными мерами налоговой, финансовой, кредитной, торговой и т. д. политики, направленными к ущемлению единоличника: его по-прежнему тащут в колхоз, но уже не столько за шиворот, сколько за карман. Каждую из таких мер в отдельности, как и всю совокупность их, можно самым резким образом критиковать с точки зрения их экономической и политической целесообразности. Но нельзя не видеть, что они целиком уместаются в рамки товарно-денежного хозяйства и — в противоположность «раскулачиванию»! — принципиально ничем не отличаются от мер однородного характера, применяемых правительством любой страны, хозяйство которой построено на товарно-денежном основании.

И в этом — вся суть нового поворота экономической политики, знаменующего начинающуюся ликвидацию периода генеральной линии. От методов разрубания всех хозяйственных затруднений мечом прямого политического насилия, характерных для этого периода и родивших его с периодом военного коммунизма, экономическая политика возвращается к характерным для нэпа принципам товарно-денежного хозяйства. Отсюда — реабилитация денег, которые вчера еще наиболее прямолинейными пропагандистами генеральной линии предназначались к отмиранию, но к которым сегодня проповедуется «уважение». Отсюда — новое возвышение «советской торговли», как решающего звена экономики, новый «упор» на коммерческий расчет, рентабельность, регулярную и нормальную порядливость всякой работы — в противоположность тому культу безудержного «ударничества» и работы «рывками» и «кампаниями», на которой тысячами губили свое здоровье паники, на которой жизнь молодые энтузиасты первой пятилетки. И отсюда же — вновь меняющееся представление о тех добродетелях, которые только и могут сделать большевика достойным представителем «линии»: если герой первых лет генеральной линии, голыми руками лезший в мартеновскую печь, был своеобразным перевоплощением на хозяйственном фронте «красного партизана» с былого фронта гражданской войны, то «герой нашего времени» заката этой линии все больше напоминает того большевика, которому Ленин на пороге нэпа велел «учиться торговать».

**

Вот почва, на которой происходит глубокий переворот во всей психологии советского общества. во всем стиле его жизни. Переворот этот неизбежен и необходим, ибо никакой общественный организм, как и организм индивидуальный, не может вечно жить в лихорадке, требует для своего нормального развития определенного материального благосостояния и духовного равновесия. И чем больше и дольше эти естественные условия развития были подавлены, тем естественнее является психологическое «перехлестывание» из одной крайности в другую.

Сейчас именно это мы и наблюдаем в психологии советского общества. Суровый аскетизм воина и подвижника на хозяйственном фронте выходит из моды, сменяется тяготением к культурной, красивой и зажиточной жизни, к радостям плоти и веселию духа. Банкеты, балы-маскарады, танцы становятся, наряду со спортом, непременно принадлежностью «культурного отдыха». Если еще во времена нэпа «гаврилка» (галстук) успел отволевать себе место в наряде комсомольца, то теперь гладко выбритые щеки, духи, пудра и кармин для губ проповедуются даже в особых лекциях. Нет уже и речи об однотонных и однотипных платьях для всех; наоборот, работницы Трехгорки мечтают о том, чтобы дать советским гражданам «самые красивые ткани в мире». Советский зритель не довольствуется уже тенденциозной агиткой: на сцену советского театра и на экран советского кино начинает постепенно проникать обыкновеннейший фарс. Читатель советских газет начинает требовать какого-то иного материала, кроме описания подвигов всяческих «строителей» и бесконечных речей вождя, и «Правда», впервые после 17 лет, заводит отдел уголовных и всяких иных «происшествий», — отдел пока скромный, но которому очевидно суждено широкое развитие. Советский потребитель отказывается от «стандартного» товара, и даже отмену хлебных карточек, имеющую под собою, разумеется, глубокие экономические основания, передовица «Правды» (от 30 ноября) мотивирует, между прочим, необходимостью дать удовлетворение индивидуальным вкусам потребителя, не желающего довольствоваться двумя пайковыми разновидностями хлеба, а требующего выбора чуть не из сотни сортов, для производства которых спешно разыскиваются повсюду старые, так долго оставшиеся не у дел «мастера». Из сплошной, однородной массы «строителей социализма», как будто лишенных всяких иных страстей, всякого иного пафоса, кроме пафоса «строительства», все настойчивее выделяется и требует к себе внимания человеческая личность с ее индивидуальными вкусами, наклонностями, добродетелями и пороками. И, наконец, после всех лозунгов, требовавших поворота лицом к корове, к трактору, к углю, к железу, к ее величеству машине, сам Сталин провозглашает лозунг: «лицом к человеку!» — правда, лишь к человеку, «овладевшему техникой». Но, после ряда лет, когда «техника» владела человеком, ломала его и подчиняла его себе, и в таком виде этот лозунг означает столь радикальное изменение психологии и всего стиля советского общества, что можно поверить кое-каким советским писателям, уверяющим, что, услышав этот новый сталинский лозунг, они от радости просто «обалдели!»

Нельзя не видеть, что вся эта «надстройка» развивается в том же направлении, в каком она развивалась в эпоху нэпа, пока не была оборвана переходом к генеральной линии. И так же, как тогда, законное стремление к подьему материального и культурного уровня жизни то и дело «перерастает» в стремление к мешанскому самоудовлетворению уютом, деловитостью — в делячество, самоутверждение личности и индивиду-

альности — в грубейший эгоизм и индивидуализм, противопоставляющий себя коллективности, из железных оков которой ему наконец-то удается вырваться. И это потому, что, как и в эпоху нэпа, вся эта идеологическая переориентировка происходит отнюдь не на почве обещанного генеральной линией «бесклассового общества», т. е. общества, развивающегося в направлении сглаживания и конечной ликвидации своей внутренней дифференцированности, а, наоборот, на почве очевидного роста экономического и социального неравенства различных пластов этого общества. Можно весьма осторожно и критически подходить к той оценке эволюции советского общества, которую дают в материалах, напечатанных в предыдущем номере «С. В.», видный коммунист, с одной стороны, советские рабочие-социалисты, с другой. Можно предполагать, что положение, создаваемое этой эволюцией для самих авторов оценки, невольно сказалось в известном сгущении красок. Но то обстоятельство, что наблюдатели, стоящие на таких различных и часто противоположных наблюдательных пунктах, одинаково подчеркивают (и в этом с ними сходятся и почти все иностранные корреспонденты) процесс роста экономического и социального неравенства, как самое характерное явление современной эволюции советского общества, достаточно знаменательно. Оно неопровержимо свидетельствует о том, что в итоге многолетнего «строительства социализма в одной стране» бьет в глаза и ударяет по сознанию тот самый рост неравенства, который был характерен и для периода нэпа.

Так что-же? Возвращается ветер на круги своя, и, проделав зигзаг генеральной линии, «Россия социалистическая» снова становится «Россией нэповской» и по-просту продолжает эволюцию, оборванную 7-8 лет тому назад? И да, и нет! — Да, — поскольку возрождаются хозяйственные принципы и идейно-политические установки нэпа. Нет, — поскольку это возрождение происходит не только на совершенно ином технико-производственном уровне, но и на совершенно ином социальном основании. Ибо период генеральной линии был эпо-

хой не только громадных хозяйственных сдвигов, но и колоссальных социальных перепластований.

Политика генеральной линии, в отличие от политики нэпа, была по преимуществу политикой непосредственного политического воздействия на ход хозяйственной жизни и прямого политического насилия. Но и политика насилия может проводиться эффективно, лишь опираясь на определенные социальные силы.

Соответственно общему своему характеру, нэп пытался использовать для восстановления хозяйства, унаследованного от прошлого, и руководящие силы этого хозяйства, тоже унаследованные от прошлого, — их «недобитые» военным коммунизмом остатки. В сельском хозяйстве он хотел опереться на зажиточные элементы крестьянства, и Бухарин — тогда в полном единомыслии со Сталиным! — открыто ставил «ставку на кулака», как Молотов — и тоже в единомыслии со Сталиным! — громил «иждивенческие» настроения деревенской бедноты. В промышленности, торговле, высшем техническом руководстве стали выдвигаться на первый план предприниматели, дельцы и «спецы» старой эпохи. Они, а вместе с ними и духовно родственная им интеллигенция, стали массами переходить на «советскую платформу». Конечно, в их среду вливались и люди новых поколений, поднимавшиеся на гребне революции выходяцы из плебейских низов. Но не эти выходяцы, а именно они, «недобитки» прошлого, задавали тон в новом, социально и экономически привилегированном слое, который начал было формироваться на почве нэпа. Типичной фигурой этого слоя, подлинным пенкоснимателем восстановительного процесса стал «нэпман».

Совершенно иначе выглядит социальный костяк того привилегированного слоя, который формируется ныне на основе достижений генеральной линии. Генеральная линия не только экономически и социально, но, можно сказать, физически уничтожила и «нэпмана», и «кулака». И для этой истребительной работы, и для строительства она опиралась на социальные силы совершен-

30-ЛЕТИЕ КРОВАВОГО ВОСКРЕСЕНЬЯ

(9 22 января 1905 года).

С началом 20-го века Россия вступила в полосу бурного предреволюционного брожения. С 1901 года стачка вспыхивает за стачкой. В движение втягиваются все более широкие массы рабочих. Учащаются уличные демонстрации, кровавые столкновения с полицией, жандармами, казаками. Суровые репрессии лишь усиливают массовое возбуждение. Движение перекидывается и на отсталую, живущую в полу-варварских условиях деревню. Вспыхивают крестьянские бунты, подавляемые еще с большею беспощадностью, чем городские беспорядки. Образованные и имущие слои общества также втягиваются в движение. Во главе идет учащаяся молодежь. За нею следуют представители либеральных профессий. Промышленники и купцы, средние и мелкие помещики возвышают свой голос против самодержавия. Органы местного самоуправления — городские думы и земства — становятся опорными пунктами борьбы за конституцию. Буржуазия поддерживает социалистические партии, организующие революционное движение рабочих, и под их влиянием принимает лозунги всеобщего, равного избирательного права и созыва Учредительного Собрания. Она аплодирует террористическим покушениям против реакционных министров и великих князей. Этой опьяняющей атмосфере не мо-

жет сопротивляться и чиновничество: его средние и низшие слои вовлекаются в революционный водоворот.

Так пролагает себе путь революция, охватывая один за другим все жизнеспособные классы и слои народа и одновременно подрывая и разлагая весь государственный аппарат. Самодержавие еще не капитулирует, но все социальные и политические корни его уже подсечены. Вооруженная сила остается его единственной опорой. Но в январе 1904 года вспыхивает русско-японская война, вскрывающая одновременно и преступный авантюризм внешней политики царизма, и его преступную неспособность организовать войну. Тягчайшие поражения следуют одно за другим, подливая масло в огонь революционного возбуждения. Разложение начинает охватывать и вооруженные силы, подрывая их надежность. В армии и флоте то и дело вспыхивают волнения, переходящие в открытые восстания. Кто не знает грандиозной эпопеи броненосца «Потемкин» (июль 1905 года)? *

*) В известном фильме, посвященном восстанию броненосца, большевики, по понятным причинам, тщательно замалчивают, что политическими организаторами и руководителями этого восстания были члены меньшевистского одесского комитета.

но иного порядка — не на обломки прошлого, а на людей плебейской среды и новых, революционных поколений. В промышленности то были те молодые энтузиасты, о которых мы упоминали выше и которые, как сказал Сталин, лишь ломая нагроможденные машины, наспех проходили свою учебу на звание и роль руководителей производства. Сотни тысяч их срывались и отставали; тысячи и десятки тысяч гибли в непосильной, подчас поистине героической, борьбе; но десятки и сотни преодолевали все препятствия и, в подлинном смысле слова — «своим горбом», — пробивали себе дорогу в высшие, руководящие слои советского общества, начиная с «мест» и постепенно продвигаясь к «центру». Точно так же и в деревне, для проведения коллективизации, генеральная линия снова мобилизовала разжалованную было в «иживенцы» бедноту, и опять-таки, прежде всего, в лице ее молодых революционных поколений. И тут преобладающая масса бедноты, вливаясь в колхозы, переставала быть «беднотой» и растворялась в рядовой колхозной массе, сливая свои интересы с ее интересами и воспринимая всю ее психологию. Но и тут десятки и сотни пробивались и пробиваются в хозяйственно и административно руководящий слой деревни, постепенно передвигаясь от местной работы к центральной и прочно входя в высший социальный пласт советского общества, со всеми его преимуществами и привилегиями.

Во всех сферах жизнедеятельности советского общества совершается однородный процесс. В торговле, в администрации, в армии, в интеллигенции, во всем советском и даже партийном аппарате, — всюду на высшие ступени социальной лестницы поднимаются выходцы из разбуженных революцией плебейских низов, и составляющие кадры «знатных людей страны». Конечно, в круг «знатных людей» входит немало представителей и старых, до-революционных поколений, старых, до-революционно привилегированных слоев. Но, в противоположность им, уже не они, а именно молодые выходцы из плебейских низов играют в этом кругу первую скрипку, задают в нем тон и определяют весь ду-

ховный облик, весь жизненный стиль верхнего слоя советского общества.

Если взять итоги периода генеральной линии лишь в этом, социальном разрезе, то надо будет прийти к выводу, что в социальном смысле этот период отличается от периода нэпа следующим: развитие общественных отношений на почве нэпа грозило сделать главными «использователями» революционных завоеваний и достижений остатки старых, до-революционных привилегированных и имущих классов, подготавливало в этом смысле своего рода имущественную и социальную реставрацию; наоборот, развитие общественных отношений на почве генеральной линии, если ему и суждено будет привести к имущественно и социально закреплённой дифференциации по-революционного общества, сделает во всяком случае главным обладателем и пользователем основных плодов революционного процесса новый общественный слой, родившийся в революции и являющийся плотью от плоти и костью от кости тех плебейских, трудящихся масс, которые революцию совершили. Таким образом, если с хозяйственной точки зрения период генеральной линии оказался периодом решающей борьбы революции за рост производительных сил и превращение аграрной страны в страну аграрно-промышленную, то под социальным углом зрения он является периодом завершения победы революционных, плебейских классов над до-революционными привилегированными классами в борьбе за использование плодов революции.

Этот факт имеет отнюдь не социологическое только значение. В той внутренне-политической и международной обстановке, в которой развивается русская революция, революционно-плебейское происхождение нового «знатного» слоя является фактором, могущим иметь решающее значение и для всех дальнейших судеб революции. Предупреждая поспешные выводы о ней и збегности «термидорианского» финала русской революции, я подчеркивал это уже в прошлом номере «С. В.». Но подробнее придется поговорить об этом в следующей статье.

Ф. Дан.

(Окончание следует)

Тем временем стачечное и демонстрационное движение принимает все более грандиозный размах. В январе 1905 года вспыхивает всеобщая забастовка в Петербурге. Формально ею руководит легальное, беспартийное «Общество петербургских рабочих», основанное при содействии полиции для отвлечения рабочих от социалдемократии. Во главе этого общества стоит двусмысленная личность — тюремный священник Гапон, через полтора года повешенный в пригородной даче своими собственными сторонниками, как разоблаченный полицейский агент и провокатор. Но сейчас — поп Гапон самое популярное лицо среди петербургских рабочих. Он подает рабочим идею — обратиться к царю с петицией, чтобы привлечь его отеческое внимание к бедственному положению рабочих. Во всех пригородах Петербурга днем и ночью идут собрания для обсуждения текста петиции. На все эти собрания проникают социалдемократы. Благодаря их неутомимой агитации в петицию вносятся радикальные политические требования: демократическая конституция, всеобщее, равное избирательное право, созыв Учредительного Собрания.

В воскресенье 9 (22) января с раннего утра из всех пригородов Петербурга необозримые колонны рабочих с хоругвями, иконами и царскими портретами в руках тянутся к Зимнему Дворцу. Там поп Гапон должен от имени всего рабочего Петербурга коленопреклоненно подать петицию царю. «Да здравствует царь! Ура!» — кричат демонстранты. Но вместо царя их встречают на

подступах к Зимнему Дворцу залпы гвардейских полков. Сотни убитых и раненых лежат на улицах. Их бело-снежный покров становится красным, как социалистические знамена. «Проклятие царю! Смерть всему царскому отродью! Долой царя!» — кричат вечером те же самые рабочие, которые еще утром того же дня несли благоговейно царские портреты. Пулями своих верных гвардейцев царь сам расстрелял последние остатки верноподданности, еще теплившиеся в душе рабочих...

Так стало «кровавое воскресенье» решающей вехой в революционной истории. Им заканчивается предреволюционный период и начинается революция. Стачки, демонстрации, кровавые столкновения с полицией льются непрерывной чередой. В движении участвуют миллионные массы. Промышленные рабочие, ремесленники, служащие, прислуга, чиновники, адвокаты, инженеры, учителя — все то и дело бросают работу и требуют свободы. Наконец, забастовка железнодорожников, поддержанная рабочими всех крупных городов, наносит самодержавию последний удар и заставляет его капитулировать: 17 (30) октября 1905 года царь издает манифест, обещающий конституцию и свободу.

Меня лично весть об этой победе революции застала в Вене. Туда мы еще в августе перенесли из Женевы редакцию «Искры», во главе которой стоял Мартов, чтобы быть ближе к русской границе и иметь возможность изо дня в день сноситься с партийными организациями в России. 19 октября мы все уже сидели в по-

ГУМАНИЗМ ДИКТАТУРЫ

«Человек — это звучит гордо!»

Бывший Горький.

Беседа Сталина с металлургами имела своим заданием поставить новую веху на кривоколенном пути генеральной линии. Вся советская печать, захлебываясь от казенного восторга, не перестает славословить нагорную проповедь диктатора о любовном внимании к человеку. «Правда» пишет: «Слова вождя... громким эхо разнесутся по всему миру». Осанна!..

Внезапный припадок человеколюбия на другой день после бессудной кровавой расправы в ответ на убийство Кирова отдает нестерпимой фальшью. Он способен вызвать только нравственную тошноту. Нерон не говорил о гуманности...

Зачем однако понадобилось диктатору завести речь о гуманности? Каков политический смысл, какова цель сталинской беседы о внимании к человеку? Лишь отчасти сентиментальный маскарад возглавителя террористической диктатуры может быть объяснен желанием смягчить за границей отталкивающее впечатление от новой судороги террора, обрушенного на головы людей вина которых не доказана и, очевидно, не могла быть доказана по суду. Но основная цель «исторического» выступления Сталина, несомненно, внутрипартийная.

Обстановка, мотивы, характер убийства Кирова остаются и после комедии военного суда над Николаевым и его «сообщниками» совершенно невыясненными. Зато ясным представляется то направление, в котором совершается политическое использование убийства коммунистического лидера коммунистом. Причастность остатков «зиновьевско-троцкистской оппозиции» к террористическому акту Николаева ничем не доказана и едва ли может быть доказана. Но самая необходимость нанести сокрушительный удар налево свидетельствует о возрождении и сгу-

щении оппозиционных настроений в самой коммунистической партии, главным образом, слева.

Последний зигзаг сталинской политики — вхождение в Лигу Наций, форсирование единого фронта с «социал-фашистами», отмена хлебных карточек, реорганизация политотделов — был, повидимому, воспринят и истолкован в левонастроенных кругах компартии и комсомола, как предательство мировой революции и как предвестие «смазывания удочек» на фронте социалистического строительства. Не случайно в декабрьской резолюции московского пленума, в котором убийство Кирова впервые было поставлено в связь с зиновьевско-троцкистской оппозицией; заключительным аккордом было сусальное изображение поступательного хода мировой революции и возвеличение Сталина, как вождя грядущего мирового Октября. И не случайно сталинская печать в один голос обвиняет «зиновьевско-троцкистское охвостье» в желании сорвать социалистическое строительство и восстановить капитализм, не останавливаясь для достижения этой контр-революционной цели ни перед террористическими покушениями против вождей большевизма, ни перед подготовкой вооруженной интервенции международного фашизма.

Не в первый раз Сталин, следуя примеру Ленина, разгром оппозиции сопровождается заимствованием ее фразеологии, а иногда и ее требований. По этой же линии — ошельмования оппозиции и перехватывания ее лозунгов — идет и теперь Сталин в своей беседе с металлургами. В том сгущении внутрипартийных оппозиционных настроений против нынешнего «руководства», которое страшно именно своей повсеместной разлитостью, неоформленностью, а потому и неудовимостью, решающее значение имеют не левоутопические моменты, а глухой протест против превращения трудящихся масс, особенно рабочих, в безвольный объект машинного фетишизма и госкапиталистической эксплуатации. В полном противоречии со своими собственными левоутопическими концепциями и не замечая его даже, так

езде, снабженные фальшивыми паспортами, и 21-го прибыли в Петербург. Ночевать я пошел в «Большую Северную Гостиницу», на площади Николаевского вокзала. Как водится, через десять минут в дверь постучался корридорный: «дозвольте Ваш паспорт». Не открывая двери, я ответил: «Паспорт? Я — вернувшийся из заграницы эмигрант, и паспорта у меня нет. Революции паспорта не нужны. Оставьте меня в покое!» И меня действительно оставили в покое! Я без помехи переночевал в гостинице страны, где вошло в поговорку, что человек состоит из тела, души и паспорта! Как можно было еще сомневаться в полной победе революции?

И вправду, в Петербурге царили уже безумные «дни свободы». Манифест еще только обещал конституцию и свободы. Но население с формальной стороны дела и не думало. Оно по-просту осуществляло все свободы явочным порядком. И это вполне соответствовало нашим тогдашним меньшевистским концепциям. Большевики сосредоточивались главным образом на конспиративной подготовке вооруженного восстания, и их мысли продолжали по инерции двигаться в том же направлении и дальше. Наоборот, наша меньшевистская тактика была построена на «развязывании» революции, на вовлечении в движение все более широких масс и в то же время на захват «явочным» порядком свободы слова, печати, собраний, союзов и использовании этих свобод для политического воспитания рабочих и развития в них навыков к организованной самодеятельности.

В этом направлении и велась наша революционная работа. Революционную расшатку самодержавного режима мы старались, прежде всего, использовать для создания целой сети политических, профессиональных, кооперативных и культурных рабочих организаций. Мы полагали, что только активное участие в организованной борьбе даст отсталым рабочим массам России недостающую им политическую и организационную школу и сделает их способными успешно отстаивать свои классовые интересы в революции, которая по своему политическому и социальному содержанию была революцией буржуазной, но в которой, в силу особого социального строения России и особых условий эпохи, на долю рабочего класса выпала инициативная и руководящая роль.

Совершенно в духе этой тактики наша петербургская организация еще 13 октября, в самом начале всеобщей забастовки, созвала в помещении Технологического Института собрание представителей рабочих всех бастующих предприятий. Собрание это, заседавшее под председательством уполномоченного нашей петербургской организацией т. Зборовского (ныне живущего в Париже), конституировалось в «Совет Рабочих Депутатов». Первым председателем Совета был выбран молодой адвокат Хрусталеv, приобретший известность в рабочих кругах своим участием в организации московской забастовки печатников и впоследствии примкнувший к меньшевистской организации (откуда впро-

наз. зиновьевско-троцкистские элементы логикой отталкивания от практики генеральной линии вынуждались к протесту против систематического игнорирования реальных интересов живых людей, «рабсилы», в угоду бюрократической гигантомании и темпомании Сталина. В этом пункте стиралась все больше грань между левыми и правыми оппозиционными настроениями (напомним право-левацкий блок Сырцова-Ломинадзе). В этом пункте выростала опасность «смычки» оппозиционных элементов в компартии со стихийным недовольством рабочих масс, превращенных в живой инвентарь на бюрократически управляемой советской фабрике.

Беседа Сталина с металлургами пытается в прикровенной, но достаточно прозрачной форме ответить на обвинения, рассеять подозрения, возбудить надежды на перемену курса под лозунгом «лицом к человеку».

Как всегда, поворот у Сталина начинается с заматывания следов и сваливания с большой головы на здоровую ответственности за ошибки «руководства». Оказывается, и тут вождя не то не поняли, не то ослушались. Не он, видите-ли, а вся советская общественность впала в непростительную ошибку. «Многие, — говорит Сталин, — неправильно поняли лозунг партии: «Техника в период реконструкции решает все». Многие поняли этот лозунг в смысле «нагромождения машин» в кратчайший срок. Это был недопустимый перегиб. На самом деле сталинский лозунг «техника решает все» имел в виду «не голую технику, а технику во главе с людьми, овладевшими техникой». Раньше, оказывается, «однобоко делали ударение на технику, на машины, теперь ударение надо делать на людях, овладевших техникой». Надо отныне беречь каждого способного и понимающего работника, беречь и выращивать его, «как садовник выращивает облюбованное им плодородное дерево».

Итак, о человеке забыли по недоразумению: неправильно поняли верный «в себе» лозунг: «техника решает все». Это утверждение бьет в лицо исторической правде. Против него вопиют миллионы загнанных на крепостной работе, замученных сверхтемпами, изможденных жизнью на голодном пайке рабо-

чих и десятки миллионов крестьян, изнасилованных и разоренных в угоду скорейшего «нагромождения машин». Нет, тут не было непонимания или недоразумения. Военно-походное отношение к «рабсиле», к рабоче-крестьянской «серой скотинке», вытекало из самого существа генеральной линии.

Стараясь задним числом оправдать политику форсирования сверхиндустриализации, «Правда» в своем официальном комментарии к «исторической беседе» Сталина, пишет: «Наш народ сознательно шел на издержки, чтобы... строить социализм». Эти якобы добровольные сознательные жертвы «нашего народа» на алтарь генеральной линии «Правда» патетически противопоставляет «бессмысленным жертвам обреченного капиталистического строя». Мы согласны с лейб-органом Сталина в том, что «капитализм никогда не был гуманен» и что его колесница «двигалась всегда в потоках крови трудящихся». Но какое же это оправдание для сталинской якобы пролетарской диктатуры, применявшей — и применяющей — худшие методы первоначального капиталистического накопления к делу построения соц. общества? Верно, что «никогда человек, никогда человеческая жизнь не расценивались капиталистическими работодателями так дешево, как теперь». Но разве «в первой стране социализма» человек и человеческая жизнь ценятся дороже?

Сталин осторожнее своих болтливых сикофантов. Из усердия не по разуму они неосторожно расширили предмет сталинской беседы, затронув шекотливую тему о гуманизме. Сам Сталин не торопится провозгласить «диктатуру сердца». Он предпочитает держаться узких рамок проблемы технических кадров. Он говорит лишь о бережном отношении к «людям, овладевшим техникой». Поэтому и вопрос об оправданности непомерных «издержек» форсированной индустриализации он сводит к количеству поломанных от неумелого обращения машин. Вопрос о человеческих жертвах, о лишениях и страданиях миллионов, о хищническом отношении к человеческому труду он умышленно обходит. Цена большевистского эксперимента для

чем через несколько лет снова вышел). После ареста Хрусталева его преемником на председательском посту стал Троцкий, а затем — после его ареста — Гельфанд-Парвус, — оба «внефракционные», но в те годы стоявшие ближе к меньшевикам.

Петербургский Совет Рабочих Депутатов, основанный таким образом, и был той знаменитой организацией, которая руководила революционным пролетарским движением и по образцу которой создались однородные организации в ряде крупных городов. То был также предок нынешних большевистских Советов, хотя первоначально большевики и, особенно, сам Ленин — в силу своего общего недоверия к самостоятельным, беспартийным широким организациям рабочих — относились к Петербургскому Совету с большой подозрительностью и даже враждебностью. Правда, впрочем, и то, что нынешние большевистские Советы, вся роль которых сведена к единогласному штемпелеванию без их участия принимаемых решений «вождей», почти только названием напоминают своего славного революционного прототипа, жившего кипучею идейною жизнью...

Мелочный месяц революции длился, однако, не слишком долго. Вздурораженные и опьяненные кажущейся легкостью и полнотою своей победы, как бы мановением волшебного жезла перенесшей их из мира полного рабства и бесправия в мир ничем не ограниченной свободы, политически не вышколенные рабочие массы, естественно, переоценивали свою классовую мощь. Они

стремились прежде всего к немедленному улучшению своего плачевного материального положения. На авансцену выдвинулись вопросы заработной платы и рабочего времени. Уже в ноябре Совет вынужден был, уступая требованию масс, объявить новую всеобщую забастовку во имя завоевания 8-часового рабочего дня. Буржуазия и монархическая реакция воспользовались этим движением, чтобы натравить на рабочих все буржуазное общество, широкие круги более состоятельной интеллигенции и, особенно, городское мещанство. В кругах этого мещанства, культурно совершенно одичалого, полиция и вербовала, главным образом, те «черные сотни», которые стали прообразом будущих фашистских банд и которыми она пользовалась для истязания и убийства социалистов и для организации еврейских погромов.

Забастовка за 8-часовой рабочий день закончилась неудачей, и ее результатом был лишь заметный упадок духа и веры в свою силу в рабочей среде. Но, что особенно важно, она вбила клин в до того как будто единое, «обшарпанное» революционное движение. Началась все большая изоляция того самого рабочего класса, который еще несколько недель тому назад буржуазия восхваляла на все лады, как национального героя. Изоляция эта была тем более опасна, что рассеянное в необозримых пространствах гигантской страны крестьянство оказывалось еще неспособным дать своему глубокому недовольству выражение в формах какой-либо ор-

«красного царя», как величают Сталина за границей, это только цена поломанных машин.

Но и сейчас, заговорив о гуманизме, Сталин подходит к человеку исключительно с утилитарной, хозяйственной, технологической стороны. Человек для него по прежнему не самоцель, а средство. Его интересует лишь проблема технических кадров, поскольку одного «нагромождения машин» оказалось совершенно недостаточно для освоения новых промышленных гигантов. По Сталину «ухаживать, как садовод за облюбованным плодовым деревом», надо не за человеком вообще, а за «человеком, овладевшим техникой», с целью наискорейшего освоения дорогого оборудования. В сущности, садоводческая заботливость Сталина направлена на «знатных людей» от станка. Создать многочисленную армию производственно-технических кадров, главным образом, при помощи «такой организации зарплаты, чтобы она укрепляла решающие звенья производства и двигала людей на высшую квалификацию», — такова точно и ясно сформулированная цель сталинского «гуманизма».

В оправдание ужасающей диспропорции между различными техническими кадрами и колоссальным нагромождением машин автор генеральной линии ссылается на дилемму, перед которой стояла-де советская власть. «либо начать с обучения людей в школах технической грамотности и отложить на 10 лет производство и массовую эксплуатацию машин», либо приступить немедленно к созданию машин и обучать людей в самом процессе производства. Дилемма была разрешена в пользу «нагромождения машин». Последствия налицо: заурядники и зауряд-техники плохо справляются с импортированным сложным оборудованием. Значит ли это, что индустриализация России вообще не ко двору? Отнюдь не значит. Еще в 1931 г. мы писали в «С. В.»: «Бунт машин на советских заводах означает лишь, что новую технику надо вводить «с умом», в меру хозяйственной оправданности, в известной постепенности, по мере подготовки технических и рабочих кадров. Но дело не только в кадрах, но и в общей обстановке. Машина может работать с успехом и на капиталистической,

и на социалистической фабрике. При этом на социалистической фабрике она должна и будет — работать много лучше. Но на советско-бюрократической фабрике, в обстановке насилия над техникой, над наукой, над хозяйством и над рабочими, новейшая сложная машина отказывается работать».

Ставя вопрос о заботливом воспитании столь необходимых технических кадров, Сталин прибегнул к садоводческому сравнению, подкупающему своей образностью. Но человек — не плодородное дерево! Одной усердной поливкой в форме дифференцированной зарплаты и повышения «способных» по табели о рангах нового дворянства «знатных людей» не вырастить армии людей, приводящих технику в движение. Даже для выращивания плодовых деревьев необходимы подходящие климатические условия. Для «выращивания» людей, овладевших техникой, также нужен соответствующий культурный, правовой и политический «климат», весьма отличный от сурового климата террористической диктатуры, зажавшей в кулак все проявления духовной, личной и общественной жизни.

Но и это не все. В садоводстве плодородное дерево является лишь пассивным объектом «внимательного выращивания». Опять-таки — человек не дерево. Наш садовод от диктатуры этой разницы не видит. Ему невдомек, что превращение человека из «объекта» в «субъект» исторического прогресса несовместимо с тотальной опекой над ним. Забота о людях, овладевших техникой, имела нередко место даже в рабовладельческих и феодальных обществах. Но уже в капиталистическом строе самая благожелательная опека в форме просвещенного абсолютизма не могла заменить самостоятельности трудящихся на основе демократии. Тем менее — в социалистическом строе, самая сущность которого состоит в свободном самоуправлении трудящихся в процессе общественного производства.

Социалистический гуманизм впервые делает человека мерой всех вещей. Его правилом будет: не человек для субботы, а суббота для человека. Он будет неотделим от свободы, под которую будет подведен прочный фундамент экономического равен-

ганизованной борьбы: лишь в прибалтийских провинциях, особенно в Латвии, вспыхнули упорные крестьянские восстания. Правительство снова получило возможность наносить рабочим тяжелые удары. В конце ноября оно арестовало президиум петербургского Совета, а вскоре после того и пленарное собрание его. Совет, эта организация рабочих депутатов, свободно выбираемых и открыто отчитывающихся перед своими избирателями, был осужден на нелегальное существование, противоречившее всей природе его и потому скоро приведшее к его полному исчезновению. И когда в декабре авангард московского пролетариата ответил на правительственные провокации попыткой вооруженного восстания, восстание это было весьма слабо поддержано рабочими массами и в самой Москве и, тем более, в других городах. Московское восстание, как и восстание латвийских крестьян было утоплено в крови...

Революция была побеждена, но она успела нанести царизму смертельную рану, от которой он уже никогда не мог оправиться. Он смог разогнать первую Думу, связать роспуск второй с арестом всей социал-демократической фракции, вожди которой (Церетелли, Джапаридзе и др.) пошли на каторгу и поселение, и с государственным переворотом 3 (16) июня 1907 года, изменившим избирательный закон в пользу имущих клас-

сов и тем превратившим их значительную часть в союзников власти. Он смог мстить революции кровавыми карательными экспедициями, военно-полевыми судами, тысячами виселиц, переполненными каторжными тюрьмами. Но он не мог уже восстановить неограниченность своего самодержавия, не мог бесследно вытравить все права, вырванные у него революцией, не мог лишить рабочий класс всех возможностей культурной, профессиональной и даже политической организации. И что важнее всего, он не мог разрешить всех тех экономических, социальных и культурных противоречий, в которых коренилась революция и которые подготавливали ее реванш.

Этот реванш пришел в 1917 году, когда новая и еще более ужасная война снова расшатала весь государственный аппарат. Но на этот раз сам царизм подготовил для рабочего класса могучего союзника, собрав, по военному организовав и вооружив миллионы крестьянских сыновей и сконцентрировав их на фронте и в крупнейших тыловых городах. Расправа с царизмом и союзными ему имущими классами была тем более основательна и жестока, чем более усердно сама контр-революция подготавливала свою катастрофу безудержным беснованием на развалинах революции 1905 года...

Ф. Дан.

ства. И уже во всяком случае он не станет с легким сердцем приносить в жертву утопическим экспериментам «садовников», даже «поставленных пролетарской революцией на вышку мира» («Правда» от 29 декабря 34 г.), свободу, благосостояние и самую жизнь живущих поколений. Вот почему и «ключ к победе» социалистического строя мы видим, в отличие от «Правды», не в выращивании людей, овладевших техникой, — этим не без успеха занимается даже загнивающий капитализм, — а в неограниченной самостоятельности трудящихся в условиях самой широкой свободы и народовластия.

Сталинский «гуманизм» — это всего только сусальный прикип в придачу к кнуту бесшабашного террора. Это лицемерная дань большевистских демагогов нарастающим в стране смутным запросам на «права человека и гражданина». Это попытка проповедью заботы о «людях, овладевших техникой» обойти проблему поднятия человеческого достоинства и жизненного уровня рабочих, превращенных в роботов.

«Диктатура сердца» не спасла самодержавия. Не спасет она и диктатуры большевиков.

П. Гарви.

СУРОВЫЙ КУРС

Вопросы заработной платы с новой остротой поставлены в порядок дня. Нормированное снабжение рабочих и служащих хлебом и другими продуктами питания было основой системы заработной платы, как она сложилась у нас в последние годы. Сейчас эта основа разрушена. Казалось бы, вся система заработной платы должна была подвергнуться коренной перестройке; в частности, общий уровень заработной платы должен быть приведен в соответствие с уровнем цен. Но у руководителей нашей рабочей политики совсем другие заботы.

Что расход на хлеб в рабочих семьях сейчас значительно увеличился, не может не признать и официальная печать. Советские газеты пытаются несколько смягчить картину, подчеркивая, что рабочие — особенно многодетные рабочие — нередко не с'едали всего хлеба, который получали по карточкам, а сейчас будут покупать хлеб лишь в меру своих потребностей. Поэтому увеличение цены на хлеб отразится на рабочем бюджете менее значительно, чем это могло бы казаться при простом сопоставлении старых карточных и новых коммерческих цен. «Труд» приводит в виде примера рабочую семью, которая до сих пор получала 3 с пол. килограмма хлеба, а сейчас покупает 2 кг. черного и 1/2 кг. белого хлеба, расходуя на это на 1 руб. 25 коп. в день больше, чем до сих пор. Этот дополнительный расход, если в семье более одного работника, полностью покрывается проведенным сейчас повышением заработной платы. — Пусть это так, но ведь оказывавшийся до сих пор лишним хлеб рабочая семья не выбрасывала, а обменивала на базаре на яйца, молоко, масло и пр. Сейчас за все эти продукты нужно платить деньгами, и платить немало. О том, чтобы обещанная 10-ти процентная прибавка покрыла и этот дополнительный расход, не может быть и речи. И не напрасно Вейнберг в своем докладе на недавнем пленуме ВЦСПС («Труд» от 15-го января) не решился прибегнуть к аргументу о

сокращении потребления хлеба. По расчетам Вейнберга отмена нормированного снабжения хлебом и пр. приведет к увеличению расходного бюджета рабочего на 31 рубль в месяц. Но в эту цифру еще не включено увеличение расхода на общественное питание и неизбежное в ближайшее время увеличение ряда прочих расходов. Где уж тут покрыть этот рост расходов намеченной небольшой прибавкой к заработной плате!

С прибавкой этой творятся к тому же странные вещи. Прибавка к зарплате, как известно, дифференцирована лишь по поясам и категориям снабжения. В пределах одного и того же пояса и той же категории снабжения прибавка одинакова для всех тарифных разрядов. Так по предприятиям Наркомтяжпрома прибавка для Москвы установлена для служащих в размере 15 руб. в месяц, для строительных рабочих, в зависимости от категории снабжения, в размере 19 и 21 рублей в месяц и для производственных рабочих в размере 21, 24 и 25 руб. 50 к. в месяц («За Индустриализацию» от 29-го декабря). По профсоюзным органам и клубам прибавка по Москве достигает 15, 20, 21 и 24 р. в месяц («Труд» от 10-го января). Дифференциация заработной платы, являющаяся краеугольным камнем всей новейшей советской политики заработной платы, введенная у нас до крайности и носящая резко выраженный анти-социальный характер, системой этих прибавок как будто несколько смягчается. «Интересы рабочих мы не могли подчинить закону тарифных сеток», элегически заметил Вейнберг: «и сознательно пошли на это — с тем, чтобы в будущем дело это постепенно выправить». Это «выправление» уже началось и идет полным ходом. Единообразная прибавка вообще оказалась фикцией. По настоянию ВЦСПС (!) — об этом с гордостью поведал нам все тот же Вейнберг — прибавка включена в основную зарплату рабочих. То-есть прибавку в полном размере получит лишь тот, кто полностью вырабатывает норму. Но при совершенно неизбежном сейчас усилении давления на нормы выработки — «укрепление советского рубля» к чему-то обязывает! — невыполнение норм выработки будет широко распространенным явлением. С другой стороны, «лучшие ударники», перерабатывая норму, получают прибавку значительно выше нормальной. И это постоянно подчеркивается в печати. Включение прибавки в основную заработную плату должно, по мысли авторов реформы, создать дополнительные стимулы для максимального напряжения трудовой энергии рабочих и служащих, для форсирования роста производительности труда.

**

Тенденция эта нашла свое чрезвычайно яркое выражение в возрождении, казалось, уже окончательно похороненной «прогрессивки». Идея прогрессивной сделки, об'явленная в 1931 г. — во время наибольшего давления на «рабсилу» в самый трудный период первой пятилетки — высшим достижением советской политики заработной платы, после «исторических» «шести условий товарища Сталина» достигшая высшего расцвета, особенно в каменноугольной, металлургической, строительной и текстильной промышленности, — очень быстро обнаружила свою несостоятельность. Уже через год пришлось открыто признать, что в текстильной промышленности прогрессивка «себя не оправдала» («Труд» от 20-го октября 1932 г.). И почти одновременно Наркомтяжпром вынужден был издать (совместно с ВЦСПС) постановление об общей отмене, в виду ее банкротства, прогрессивной сделки в черной металлургии («Труд» от 29-го октября 1932 г.). В ограниченных размерах прогрессивка, правда, кое-где продолжала применяться, но авторитет ее рухнул, и о

ТОВАРИЩ,
ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!

ней просто перестали говорить. Напротив, простая неограниченная сделщина шла все в гору, пока не была, наконец, объявлена «основной формой зарплаты в период социализма» («Труд» от 28-го февраля 1934 г.).

Сейчас сказка начинается с начала. Прямая неограниченная сделщина уже недостаточно «стимулирует рост производительности труда». Нужны более энергичные средства для давления на психику рабочего и для предельной интенсификации труда. И Вейнберг решительно призывает, возвращаясь к традициям печальной памяти 1931 г., «смелее и решительнее внедрять прогрессивку во все отрасли производства, везде, где сейчас применяется или где может применяться сделщина».

Введением вновь прогрессивки отнюдь не ограничивается то новое, что характерно для советской политики заработной платы 1935 года. Гораздо характернее в этой политике и политически и социально гораздо опаснее другая черта ее: фактическое предоставление хозяйственным органам и администрации предприятий почти неограниченной власти в вопросах зарплаты. Тенденция к усилению власти хозяйственников в вопросах зарплаты обнаружилась у нас уже давно. С 1931 г. она медленно, но неуклонно нарастала. Сейчас это развитие приняло прямо бурный характер. «Мы не должны быть консерваторами», гордо заявляет Вейнберг. «Следует допустить установление разных разрядов оплаты для одних и тех же работ с тем, чтобы из нескольких рабочих, выполняющих одинаковую работу, больше получили те, которые дают работу лучшего качества», — по усмотрению администрации. Все это идеологически облекается в форму борьбы против «средней зарплаты». Пестрота в оплате труда доводится до предела. И администрации предприятий предоставляется неограниченная власть в выборе конкретной ставки для конкретного рабочего. К этому в основном и сводится то «расширение прав и ответственности заводоуправлений за правильное регулирование заработной платы», о котором так красноречиво говорил Вейнберг. И все это предлагается как раз тогда, когда вопрос о высоте заработной платы приобретает для рабочего исключительное значение и когда в среде хозяйственников неодолимо нарастает — и официально усиленно культивируется — «уважение к деньгам».

В этих условиях невольно закрадывается сомнение, не окажется ли в значительной мере фикцией и то скромное повышение номинальной заработной платы, которое обещано при отмене нормированного снабжения хлебом. Недаром один из участников пленума ВЦСПС напомнил в прениях, что «во время предыдущей надбавки зарплаты в связи с повышением цен на хлеб (в мае 1934 г.) на многих предприятиях имели место обсчеты рабочих» («Труд» от 1-го января). Увы, обнаружилось это лишь в конце года, «когда мы проводили проверку выполнения колдоговоров». Опасность таких «обсчетов» сейчас тем более велика, что та политика борьбы против «средней зарплаты», на которой мы остановились выше, легко может создать для таких обсчетов легальное прикрытие.

Психологически почва для максимальной сдержанности при исчислении прибавки к зарплате расчищается упорной борьбой, которая ведется сейчас против «самочинного» повышения зарплаты. Самочинным и незаконным повышением зарплаты оказываются сейчас почти все случаи перевода рабочих и служащих в высший разряд. Руководители предприятий и учреждений

просто терроризируются градом репрессий за нарушение пресловутого постановления Совнаркома от 29-го ноября. Нужды нет, что перевод рабочих и служащих в высший разряд явление повседневное, что он всегда происходит дробно — сегодня в отношении одних, завтра и временно, запрещение такого перевода равносильно искусственному замедлению нормального процесса под'ема рабочих и служащих. Сейчас все это забывается. В какой мере под общий запрет попадают и нормальные случаи перевода рабочих и служащих в высший разряд, с полной наглядностью сказались в карах, наложенных Комиссией партийного контроля на ряд ответственных работников за то, что они не отменили своих, изданных до постановления ЦК об упразднении нормированного снабжения хлебом, распоряжений о повышении с 1-го декабря жалования некоторым служащим (случаи эти перечислены в «Труде» от 1-го января). А тут еще передовик «Правды» (от 10-го января) угрожающе напоминает, что «в прошлом году многие предприятия допустили значительный перерасход фондов заработной платы». «Это не должно повториться в 1935 году!» «Рваческие настроения должны получить сокрушительный отпор!» И тут же торжественная формула: «Контролировать мерой труда меру потребления — это основное требование социализма!» И уж, конечно, «невнимательное отношение к мере труда каждого рабочего должно выжигаться каленым железом из всех пор нашего хозяйства». С такими настроениями далеко пойдешь!

Десятипроцентная прибавка к зарплате в связи с отменой нормированного снабжения хлебом окутывается в этой обстановке каким-то странным туманом. А тут еще Вейнберг в своем докладе загадочно заявляет: «По контрольным цифрам, еще окончательно не утвержденным правительством, заработная плата в 1935 году намечается на уровне четвертого квартала 1934 года».

На уровне 4-го квартала 1934 г.? А как же быть с 10-типроцентным повышением с 1-го янв. 1935? Или это значит, что расширение прав и ответственности заводоуправлений за «правильное регулирование зарплаты» будет использовано для фактического сведения на нет формально проводимого повышения зарплаты? Ближайшее будущее принесет ответы на все эти тревожные вопросы. Но уже и сейчас ясно, что рабочие массы Советского Союза идут навстречу новым тяжелым испытаниям. И может быть, боязнь роста на этой почве рабочего недовольства, стремление максимально затруднить его идеологическое оформление и заранее морально и политически скомпрометировать всякую и особенно рабочую и левую будущую оппозицию и явилось одним из основных мотивов того похода против левых коммунистических элементов, в центре которого, по иронии судьбы, оказалась жалкая фигура Григория Зиновьева.

С. Шварц.

ЗАГРАНИЧНАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ Р. С. Д. Р. П. РЕКОМЕНДУЕТ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ И СОЧУВСТВУЮЩИМ ПРИОБРЕТАТЬ И ВЫПИСЫВАТЬ ВСЕ ГАЗЕТЫ, ЖУРНАЛЫ И КНИГИ ЧЕРЕЗ КНИЖНО-ГАЗЕТНОЕ БЮРО ПРИ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ВЕСТНИКЕ».

БЮРО ВЫПОЛНЯЕТ ВСЕ ЗАКАЗЫ ПО ЦЕНАМ ИЗДАТЕЛЬСТВ.

РИМ, СААР И ВОСТОЧНЫЙ ПАКТ

Последний этап европейского кризиса проходит через Рим и Саарбрюкен. Франко-итальянское соглашение и победа германского фашизма в Саарской области сами по себе не разрешают ничего, но они могут стать исходным пунктом новых комбинаций в борьбе за Европу. Соглашение, подписанное Лавалем и Муссолини, охватывает огромный комплекс вопросов: франко-итальянские отношения, подготовка примирения Италии с Югославией и Малой Антантой, защита независимости Австрии. Но косвенные результаты этого соглашения державами Западной Европы.

Его смысл и его последствия для европейской политики будут определены тем, предоставит ли оно новый шанс для стабилизации германского фашизма. Из римского договора может возникнуть франко-итальянская Антанта, с переходом в более тесные формы военного союза. Если это соглашение не будет дополнено соглашением с Германией, то логикой событий оно должно будет стать фактором изоляции Германии, анти-германским союзом типа 1915 года, инициатором которого был тот же Муссолини. Но римское свидание открывает и другую возможность. Оно было подготовлено при участии Англии. Оно является составной частью и этапом английского плана для возвращения Германии в Лигу Наций и проведения международной конвенции по ограничению вооружений. Римский договор усиливает посреднические позиции Англии и Италии, поэтому он может содействовать воскрешению Пакта Четырех, то есть длительного соглашения между четырьмя великими «державами» Западной Европы.

Этот оборот европейской политики может серьезно затронуть интересы Советского Союза. Всякое соглашение западных великих держав, включающее в себя фашистскую Германию или заключенное на предмет соглашения с ней, должно беспокоить советскую дипломатию. Возрожденный Пакт Четырех мог бы проложить путь для организации антисоветского блока. Критика, которой советская печать подвергла возможные результаты римского соглашения, является поэтому вполне обоснованной. Опасность нужно сигнализировать в начале, когда она проявляется еще только в тенденции. Возможный поворот в тактике — пока еще не в направлении и не в методе — французской дипломатии способен ослабить европейские позиции Советского Союза. Для Барту союз с СССР был основой французской внешней политики, для Лавала он является лишь одним из ее составных элементов. При Барту всякое соглашение с Лондоном и Римом могло быть только расширением франко-советской коалиции. При Лавале соглашение по линии Париж-Лондон-Рим начинает приобретать самостоятельную ценность.

Победа Гитлера в Саарской области одновременно и увеличивает, и ослабляет возможность соглашения Германии с западными державами. Английская дипломатия не скрывала, что саарский вопрос является для нее последним, как ей казалось, препятствием для соглашения с фашистской Германией. Возвращение Саарской области Германии рассматривалось руководителями внешней политики Англии, как предпосылка генерального соглашения с Берлином. Саарская область была не только взята Гитлером, она была также и отдана. Части международного оккупационного корпуса были спокойными и безучастными свидетелями — сначала фашистского террора во время голосования, потом прямого погрома после плебесцита.

Но Макдональд, Саймон и Идэн просчитались. Для германского фашизма успех на Сааре стал предпосыл-

кой не внешне-политической стабилизации на основе европейского равновесия и отказа от ревизионистской политики, чего хотят Англия и Италия, но, наоборот, наступления на всех фронтах. Германия начинает сейчас вести, впервые после войны и прихода Гитлера к власти, политику западных окраин (Westmark-Politik). Саар становится трамплином для прыжка в Лотарингию и Эльзас, стратегически, экономически, пропагандистски. Саарский уголь связан с лотарингской рудой не меньше, чем донецкий уголь связан с криворожской рудой. Одновременно пробуждается активность германско-фашистской ирреденты во всех направлениях, от Мемеля до Эйпен-Мальмеди, от датского Шлезвига до Австрии. Основной удар будет направлен, вероятно, против Австрии, как наиболее значительного и ценного объекта.

Однако, Саар был последней областью, которую можно было завоевать без войны, избирательным бюллетенем во исполнение Версальского договора. Ни один другой пограничный столб на германских границах не может быть передвинут без войны. С каждым днем обнаруживается все более ясно, что задача, которую пытаются разрешить в Женеве, Лондоне и Риме: одновременно содействовать внешне-политической стабилизации германского фашизма и обеспечить дело мира в Европе — есть неразрешимая задача, политическая квадратура круга.

В большой политической игре, в которой решается судьба Европы, принимают участие шесть партнеров: три великие державы Западной Европы, Германия, Советский Союз и блок Малой и Балканской Антанты. Никакое англо-итальянское посредничество не может выявить и закрепить среднюю равнодействующую линию интересов и требований шести партнеров. Франция хочет реальных гарантий безопасности, Советский Союз и Блок Малой и Балканской Антанты настаивают на немедленном подписании восточного пакта, Гитлер требует неограниченной свободы вооружений и отказывается присоединиться к пактам безопасности. Руководящая роль в анти-ревизионистской и поэтому анти-германской политике перешла в последнее время от Франции к тесной коалиции Советского Союза и Малой и Балканской Антанты. Но этот гигантский восточно-европейский блок увлек сейчас и Францию. Подписание восточного пакта обеспечено обязательством, которое Лаваль принял сейчас в Женеве. Восточный пакт будет заключен в его эффективной, снабженной санкциями форме, как оборонительный союз против нападающей стороны, а не в выхолощенном виде никого ни к чему: не обязывающей декларации, чего добивались Германия и Польша. Восточный пакт в этой его полноценной форме станет хартией европейского мира — или в Европе не будет мира.

Соглашение о восточном пакте наносит тягчайший удар по внешней политике германского фашизма, тактически и по существу. Без признания права на вооружение никаких переговоров о пактах, никакого возвращения в Женеву — заявляет Гитлер. До присоединения Германии к восточному пакту и римским соглашениям — никаких переговоров о равноправии Германии в вооружении — отвечают ему Лаваль, Литвинов и Бенеш. Но предварительное присоединение к восточному пакту означало бы катастрофу для агрессивной политики Германии. Гитлер знает, что делает, когда всеми мерами пытается воспрепятствовать заключению пакта. Германский фашизм не хочет допустить политического и военного сотрудничества Запада и Востока Европы, Франции, Чехословакии и Советского Союза для защиты

границ. «Как смеет Франция, как западная держава, хотеть играть роль арбитра мира в региональном пакте Северо-Восточной Европы?», писала еще 26-го июля «Дейтше Альгемайне Цейтунг».

Борьба германского фашизма против пакта есть борьба за его право на ведение локализованной наступательной войны на Востоке Европы. Женевское соглашение противопоставляет этому «праву» коллективную мощь трех великих держав: Советского Союза, Франции и блока Малой и Балканской Антанты. Но этим устраняется возможность того соглашения с западными державами, которое единственно только может быть приемлемо для германского фашизма: соглашения без гарантий границ Восточной Европы и против Советского Союза.

Пакты о ненападении, пакты безопасности и военной

поддержки, оборонительные коалиции — в формах этой дипломатической техники развивается борьба за Европу, от которой зависят основные вопросы эпохи: безопасность Советского Союза и западно-европейских демократий, развитие кризиса германского фашизма, развязывание сил средне-европейской революции. Восточный пакт является положительным и ценным инструментом внешней политики. Но тем не менее рабочий класс Европы, кадры революционного социализма Средней Европы и Советский Союз не могут и не должны безоговорочно солидаризироваться с преходящими внешнеполитическими конъюнктурами. Только борьба за власть, только социализм у власти будет в состоянии сделать из орудия антигерманской политики орудие политики антифашистской и инструмент социалистического преобразования Европы.

А. Шифрин.

Недоразумения — политические и иные

Вопросу о движении к пролетарскому единству «С. В.» посвятил за последние месяцы не только обширную хронику, но и ряд статей принципиально — теоретического характера. Все течения и оттенки партийной мысли имели возможность высказаться. Дискуссию можно было с полным правом считать законченной.

Однако, в последнем номере нашего органа т. Гарви счел нужным снова взять слово по этому вопросу. Его новая статья не прибавляет ни одной новой существенной мысли и ни одного нового существенного аргумента в дополнение к тому, что им было уже двукратно (см. № № 17 и 21 «С. В.» за 34 г.) сказано в обоснование резко отрицательного отношения к движению единства, как оно на деле развивается. Я не считаю поэтому нужным снова вступать с т. Гарви в дискуссию по существу: мне достаточно сослаться на мои собственные прежние статьи, в которых уже были даны ответы на все возражения т. Гарви — правда, ответы, которые он в своей новой статье игнорирует «целиком и полностью». Но, если я все же берусь за перо, то лишь затем, чтобы в нескольких словах отметить те недоразумения, в которые впадает т. Гарви и в которые он может ввести своих читателей по вопросу о связи движения к единству с «русской проблемой».

Дискуссия выяснила с очевидностью, что все течения и оттенки партийной мысли исходят из признания неизбежности и необходимости постановки этой проблемы в ходе борьбы за единство. Об этом с полной определенностью говорила хотя бы первая же моя статья («Голос меньшевизма из СССР» в № 15-16 «С. В.» за 34 г.), посвященная казанской телеграмме. Расхождение начинается лишь в вопросе о том, как, в какой форме, в какой перспективе, в связи с какими течениями международного пролетарского движения и т. д. может и должна быть поставлена эта проблема.

Я лично не раз высказывал убеждение, что, чем шире будет развиваться движение к единству, чем больше оно будет превращаться из местного и национального в мировое и интернациональное, тем настойчивее, в силу самого хода вещей, будет русская проблема входить в сферу его внимания. Т. Гарви, наоборот, думает, что именно положительное отношение к движению единства привело меня к «фактическому согласию» на «затушевывание и снятие русского вопроса», ибо «ложно понятые интересы единого фронта» и заставляют «левые» партии РСИ, зараженные «ново-венскими концепциями», замалчивать русскую проблему. Выходит таким образом, что в замалчивании повинен именно «единый фронт». А между тем сам т. Гарви указывает, что РСИ «упорно избегал широкой и принципиальной постановки русского вопроса» еще тогда, когда о нынешнем движении единства не было и помину. Правда, по его мнению, это объяс-

нялось все тем-же «венским» грехом: «неполною выясненностью основного вопроса о диктатуре и демократии, как путей к социализму». А между тем опять-таки он сам утверждает, что самое основание РСИ «объективно означало возврат «венских» партий к исконным началам демократического социализма». Более того. От него же мы узнаем, что «заговор молчания» против русской проблемы организован отнюдь не одними лишь зловредно-«венскими» партиями, путающимися между диктатурой и демократией, но и самими, что ни на есть, непоколебимо-демократическими, реформистскими партиями — «по мотивам национально-государственным».

Как примиряет т. Гарви все эти противоречивые высказывания в своей единой «старо-лондонской» концепции, судить не берусь. Но минимум, что из этих высказываний следует, это — то, что причин отказа всех партий Интернационала без исключения — правых и левых, лондонских и венских — от «широкой и принципиальной постановки русского вопроса» надо искать где-то глубже, чем в их отношении к движению единства. Об этих причинах уже не раз приходилось говорить и возвращаться к ним здесь я не буду. Но нужно остановиться на фактической стороне дела. «Мотивы национально-государственные» — с этим согласится, вероятно, и т. Гарви — никаких перспектив «широкой и принципиальной» постановки русского вопроса не открывают и открывать не могут. Наоборот, если взять, напр., наших французских товарищей, то, как бы «ложно» они, по мнению т. Гарви, ни понимали интересы единого фронта, и т. Гарви должен будет признать, что, с начала движения единства и в прямой связи с ним, их орган «Попюлер» гораздо чаще возвращается к «русской проблеме», чем он это делал, напр., год или полтора тому назад, когда о движении единства еще никто не помышлял.

Т. Гарви, в сущности, этого факта, побивающего всю его «концепцию», не отрицает. Но он усматривает «тяжелую дань иллюзии единого фронта» в том, как «Попюлер» отзывается на русскую проблему и, в частности, отозвался на новую волну террора в России. Он был «поражен» тоном первой статьи Леона Блюма на эту тему. Эта статья, несомненно, обнаруживала большую заботу вождя французской партии о том, чтобы не нанести ущерба той политике, которую ведет его партия, и ее единству и сплоченности. Но смысл ее во всяком случае был достаточно ясен, чтобы немедленно же вызвать негодующую реплику «Юманитэ», а вслед за нею «Попюлер» дал место на своих столбцах моей большой статье на ту же тему и поместил резолюцию нашей ЗД. Но т. Гарви недоволен и теми строками, которые Блюм предпослал этой резолюции, хотя, как всякий может убедиться из обзора, напечатанного в прошлом номере «С. В.», строки эти не заключали в себе ничего иного, как прямой ответ коммунисту Дюк-

ПОМНИТЕ О СТРАШНОЙ НУЖДЕ ССЫЛЬНЫХ И ЗАКЛЮЧЕННЫХ!

ло, писавшему по поводу помещения в «Попюлэр» моей статьи, что гостеприимство, оказываемое органом французской партии русским меньшевиком, несовместимо с пактом единства действий. И невольно думается: в своей партии т. Гарви требует, чтобы большинство самым внимательным образом считалось со всяким, хотя бы и слабым меньшинством и действовало в порядке компромисса; в своей партии он оставляет за собою право критиковать все принимаемые партийным большинством решения, всю политическую линию партии и даже, как он это сделал в своей последней статье, действия ее представителей и делегатов. Когда-же Блюм, вождь 120-тысячной партии, — потому-ли, что он считается с наличием в своей партии известного меньшинства, с отгораживающегося от русских меньшевиков, потому-ли, что и сам не «сто процентно» солидаризуется с позицией нашей партии (с которой, как мы знаем, не солидаризируется «сто процентно» и сам т. Гарви), — не считает свою задачу исчерпанной безоговорочным повторением каждого слова, произнесенного русской социалдемократией, то это сейчас же превращается в политическое преступление, в «тяжелую дань иллюзии единого фронта». Не согласится-ли т. Гарви, что подходить так к политике и тактике всех партий Интернационала — безразлично, правых или левых — значит, смотреть на весь мир из своего кружкового окошечка, расценивать все процессы развития классовой борьбы пролетариата

та лишь под углом зрения своих маленьких, кружковых интересов?

О прямом выпаде т. Гарви против моего образа действий на последнем заседании Исполкома РСИ я говорить много не буду. Печатаемое в этом-же номере сообщение об итогах опроса участников нашей нелегальной организации по вопросу об едином фронте дает ему достаточный ответ. В вопросе о том, как надо действовать, чтобы вдвинуть русскую проблему в рамки мирового движения к единству, участники нашего подполья целиком сошлись с казанцами, самое положение которых, как ссыльных, лишает их возможности какого-либо соприкосновения с этим подпольем, и самая телеграмма которых стала известна нашим нелегальным товарищам лишь из коммунистической «Юманитэ». Для т. Гарви и это поразительное совпадение объясняется, быть может, лишь в «порядке политического недоразумения». Но, если весь мир представляется т. Гарви лишь «недоразумением», то не доказывает-ли это, что сплошным недоразумением является, прежде всего, политическая установка самого т. Гарви, мимо которого бесследно проходят все колоссальные сдвиги и катастрофы, пережитые миром за последние десятилетия, и который, наперекор вихревому движению всего мира, продолжает «все в той-же», до-военной и до-революционной, «позиции сидеть»?

Ф. Д.

Отклики Интернационала на события в СССР

ФРАНЦИЯ.

«Попюлэр» (10 января) печатает резолюцию, принятую 8-го января на заседании группы адвокатов-социалистов. Напомнив о своей готовности защищать русскую революцию, о своем отрицательном отношении к актам индивидуального террора и принципиальном отвержении смертной казни, «поскольку она применяется не в огне гражданской войны и не для спасения социалистической революции», адвокаты-социалисты заключают:

«Принимая во внимание, что СССР сейчас не охвачен ни гражданской войной, ни войной внешней и что, наоборот, за 18 лет существования советская власть приобрела там устойчивость; что, следовательно, никак нельзя утверждать, чтобы эти массовые казни без суда, без защиты, без признаков народного контроля оправдывались потребностями законной самообороны и абсолютной необходимостью, группа заявляет свой торжественный протест против них и подтверждает, что социализм, неотделимый от защиты самых священных прав человеческой личности, не может мириться с новеллами, внесенными в советский кодекс в связи с убийством Кирова и освящающими административные и тайные судилища, отмену права защиты и смертные приговоры, не допускающие ни обжалования, ни прошений о помиловании».

В январском номере журнал «Комба Марксист» пишет: «Говорят, что расстрелянные были опасными врагами советского режима и пострадали по заслугам. Хотели бы верить, что это так. Но опыт научил нас глубокому недоверию к тому, что официально «говорят» в России. Разве во время меньшевистского процесса несколько лет тому назад не говорили, что Абрамович приехал конспиративно в СССР, между тем как многочисленные свидетели видели как раз в указанное время живого Абрамовича в центральной Европе? Быть может, Абрамович обладает и впрямь множеством дьявольских свойств, но уж конечно не даром быть одновременно в разных странах».

«Нет, «утверждений» подначальной советской печати и подначального агентства Тасс недостаточно для нас, чтобы принимать все за чистую монету. Был лишь один способ убедить нас: доказать на гласном суде, способном пролить на дело полный свет. Но заключенных расстреляли без всякого суда, в административном порядке. А это значит, что правительство, называемое советским, боится народных судов, что оно боится народа, что оно не только не опирается на прочное доверие и страстную волю масс, но опирается лишь на штыки ГПУ».

ОТТО БАУЭР.

В своем очередном обзоре советской жизни («Кампф», № 1) Отто Бауэр считает новую волну террора «рецидивом чекистских методов, которые были неизбежны в эпоху борьбы диктатуры за существование, но которые теперь неизбежностью уже не могут быть оправданы». Он говорит далее:

«Развитие более гуманных форм судопроизводства, гарантирующих и преступнику право на обычного судью, на глас-

ный процесс, на максимальные гарантии против несправедливых приговоров и юридического убийства, на осуществление принципа, согласно которому каждый отвечает лишь за свою собственную вину и не рискует пропасть лишь потому, что кто-то другой преступил закон, — все это принадлежит к числу самых ценных завоеваний буржуазных революций. В странах, где буржуазия бросилась в объятия фашизма, она позорно предала все эти завоевания буржуазной эпохи. В борьбе против фашизма борьба за достижение новейшего правового сознания стала задачей рабочего класса. Эта за-

Через контору

„Социалистического Вестника“

можно приобрести

старые русские революционн. и социалистические

**ЖУРНАЛЫ, ГАЗЕТЫ,
СБОРНИКИ, КНИГИ,
ЛИСТКИ, ПРОКЛАМАЦИИ**

ИЗДАНИЯ, выходившие легально в гг. 1905—1907, 1911—1914 и в 1917—1918

ИЗДАНИЯ, выходившие за-границей для пропаганды в России

Брошюры Плеханова, Аксельрода, Мартова, Ленина, Троцкого, Дана и др.

Газеты „Искра“, „Социал-Демократ“, „Пролетарий“, „Последние Известия“ и др.

Протоколы съездов и конференций.

Революционные издания на украинском, еврейском, грузинском и армянском языках.

Журналы и газеты имеются полными комплектами и отдельными номерами

Для просмотра списков и с запросами обращаться :

“LE COURRIER SOCIALISTE”

141, Rue Broca, bat. 11, PARIS (XIIIe)

дача придает ныне освободительной борьбе рабочего класса новое содержание и новую моральную опору. Но борьба геряет эту моральную опору, если сам социализм, приходи к власти, топчет ногами достижения и принципы нового правосознания даже тогда, когда его к этому не вынуждает горькая необходимость революционной самообороны.

«Тому, для кого социализм есть осуществление величайших ценностей человечества и человечности, такого рода правительственный террор делает приятие большевизма попросту невозможным, — как бы высоко ни ценил он достижения русского большевизма в строительстве социалистического хозяйства и значение этих достижений для освободительной борьбы мирового пролетариата».

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ.

14 декабря Русский Отдел Социалистической Партии организовал митинг протеста, на котором от американских товарищей выступал т. Джэкс Оннэл, член ЦК партии и редактор «Нью Лидер», а также представитель социалистической молодежи. От российских с.-д. выступали т. т. Равич и Виляцер. Митинг единогласно принял следующую резолюцию:

«Мы, американские и русские социалисты, собравшиеся 14 декабря 1934 г. на митинг протеста, выражаем глубокое возмущение против новой волны варварских расправ, вызванной убийством члена Политбюро Сергея Кирова коммунистом Леонидом Николаевым.

«Многие десятки и, может быть, сотни людей стали жертвами мести Сталина за своего ставленника Кирова. В порядке, необычном даже для московской диктатуры, в наискорейший срок, исключая всякую возможность расследования и защиты, без соблюдения хотя бы малейших гарантий прав личности, расстреляны десятки людей, о виновности которых общественное мнение не имеет и не будет иметь никакой возможности судить. Охваченная лавикой диктатура явно имела целью не столько покарать виновных, сколько устрашить врагов и терроризировать население собственной страны. Только кровавые вакханалии Гитлера могут сравниться с этими преступлениями сталинской диктатуры, совершенными под флагом якобы социализма.

«Во имя человечности и гуманитарных идеалов подлинного т. е. демократического социализма, мы поднимаем голос пламенного протеста против массовых убийств в СССР. Мы выражаем горячую надежду, что этот новый взрыв слепого террора наполнит сердца пролетариев всех стран глубоким отвращением к системе террористической диктатуры, ради каких бы целей и под каким бы флагом она ни выступала».

Исполком Нью-Йоркского ЦК социалистической партии принял единогласно предложение т. Виляцера об устройстве в ближайшем будущем нового массового митинга протеста совместно с профсоюзами и еврейским Арбейтер-Рингом.

ЗАГРАНИЦЕЙ

АНГЛИЙСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ О ВОЙНЕ И МИРЕ.

34-ый съезд английской Рабочей Партии в Соутпорте в октябре 1934 г. выработал обширную программную резолюцию о борьбе за мир, в которой сделана попытка формулировать программу рабочего движения для предупреждения войны. «Внешняя политика рабочего движения основывается на коллективной системе мира. Эта коллективная система мира находит свое выражение в Лиге Наций, деятельность которой расширяется сотрудничеством Л. Н. с государствами, не входящими в Лигу». «Участие в Л. Н. не уменьшает ответственности правительств за их внешнюю политику, оно лишь облегчает политику, направленную к утверждению мира, и делает более вероятным провал всякой политики, направленной к возвращению к старой международной анархии. В последние два года в ряде стран у власти оказались правительства, открыто добивающиеся доверенного так называемого равновесия сил». Идея «равновесия сил» это по существу старая реакционная идея конкуренции между государствами, основанная на вере в абсолютизм государства, международную анархию и неизбежность войн. Рабочее движение решительно противопоставляет этой идее конструктивную, положительную и прогрессивную идею **Всемирного Союза Народов**. Все текущие вопросы внешней политики, все конкретные внешне-политические шаги будущего рабочего правительства должны быть подчинены великой цели построения такого **Всемирного Союза Народов**.

Основной идеей, исходя из которой Рабочая Партия определяет свое отношение к войне, является противопоставление наступательной войны и войны для обороны коллективной системы мира (но не оборонительной национальной войны!). «Рабочее движение решительно отвергает все формы наступательной войны. Но мы признаем, что возможны обстоя-

тельства, которые могут принудить правительство Великобритании к военным действиям против нападающего государства, отказавшегося подчиниться авторитету Лиги Наций и открывшего военные действия в нарушение принятых на себя обязательств».

В соответствии с этой идеей, «политика Рабочей Партии должна иметь своей целью:

«а) расширение обязательств соблюдения мира путем заключения пактов о ненападении, определения понятия нападающего и изменения устава Лиги Наций;

«б) выработку порядка обязательного решения всех спорных (международных) вопросов мирным путем; сюда относится в частности облегчение порядка мирного изменения статус-кво;

«в) уничтожение всех национальных вооруженных сил и создание вместо них международной полиции под руководством Лиги Наций».

«Первым шагом в этом направлении является уничтожение национального военного флота, создание международного легкого и разведочного военного флота, подчиненного Лиге Наций и интернационализации гражданского воздухоплавания.

«Политика сокращения национальных военных сил в обмен на международную гарантию безопасности, опирающуюся на международные военные силы, может по началу быть осуществлена и группой государств в рамках Лиги Наций путем заключения **регионального пакта** согласно ст. 21 Устава Лиги Наций», по возможности с привлечением к этой акции и Соединенных Штатов.

Внешне-политические воззрения Рабочей Партии должны найти свое выражение и в ряде актов национального законодательства. Для облегчения контроля над разоружением «будущее рабочее правительство внесет в парламент закон, согласно которому всякий, кто сознательно сообщает представителю Лиги Наций неверные сведения или отказывается в сообщении требуемых сведений, подвергается денежному штрафу или заключению в тюрьму. Рабочая Партия будет требовать в Женеве, чтобы и в других странах были изданы такие же законы. И эта политика на первое время может быть осуществлена группой прогрессивных государств».

«Но важнейшим законодательным актом, которого требует международная политика рабочего движения, является **закон о мире**. Закон о мире обяжет правительство:

«1) передавать всякий спор с другим государством на разрешение его в той или иной форме мирным путем и никогда не применять силу в качестве средства национальной политики;

«2) в случае необходимости прибегнуть к силе в целях самозащиты немедленно обращаться к Лиге Наций и подчиняться ее указаниям на началах взаимности».

Резолюция подчеркивает далее, что международная политика на основе признания коллективной системы мира приводит к «глубоким изменениям наших взглядов на права государства по отношению к гражданам во время войны, на обязанности граждан и на природу патриотизма». «В частности обязанности по отношению к **Всемирному Союзу Народов** в вопросах мира выше обязанностей по отношению к своему государству и, в особенности, выше обязанностей по отношению к собственному правительству во время войны». Отсюда вытекает не только обязанность поддерживать правительство во всех его шагах, предпринимаемых в рамках коллективной системы мира против нарушителей мира, но и право и обязанность «не служить собственному правительству и не поддерживать его», если оно ведет войну вопреки своим международным обязательствам.

Резолюция конгресса не могла не коснуться и вопроса о всеобщей забастовке, как средстве борьбы с войной. В рамках коллективной системы мира проблема эта приобретает особую сложность, и резолюция еще раз подчеркивает старое решение, согласно которому в случае опасности войны для разрешения вопроса об объявлении всеобщей забастовки должен быть созван чрезвычайный конгресс.

ОБЩЕАВСТРИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ.

О состоявшейся недавно всеавстрийской конференции социалистов и принятой ею платформе «Арбейтер-Пейтунг» сообщает:

«В сентябре состоялась первая венская конференция. Теперь впервые делегаты венской социалистической организации сошлись с делегатами революционных социалистов провинции».

«Сентябрьская венская конференция приняла принципиальную декларацию, указывающую нашу цель: завоевание государственной власти трудящимися под руководством рабочего класса; диктатура пролетариата, как средство преодолеть капиталистическое общество эксплуатации и заложить основу социалистической свободы и равенства».

«Заседавшая ныне общеавстрийская конференция искала путей к достижению этой цели. В принятой ею платформе она установила основные линии нашей повседневной борьбы».

Наша социалистическая организация охватывает активное, революционное ядро пролетариата. Но это ядро может победить фашизм лишь в том случае, если оно сумеет те массы, которые думают и чувствуют по социалистически и оказывают фашизму и всем его организациям поразительное пассивное сопротивление, но еще не втянуты в активную борьбу против фашизма, — не только закрепить в их пассивном сопротивлении, но повести на активную борьбу с фашизмом.

«Для этого активное ядро должно связать свою свободу с повседневными потребностями пролетарских масс. Оно должно пытаться организовать их борьбу против снижения заработной платы и ухудшения помощи безработным, против экономической эксплуатации, против полицейского гнета, насилия над мыслью и совестью. Мобилизуя таким путем массы, ради втягивания их в борьбу, вокруг их ближайших бранных задач, мы отнюдь не впадаем в малодушный реформизм и того менее в беспринципное соглашательство. Ибо мобилизация масс на борьбу за их повседневные потребности остается для нас лишь средством для мобилизации их на борьбу за всю полноту задач, как каждый частичный успех в этой повседневной борьбе — лишь исходной точкой для усиленной борьбы за нашу цель: за низвержение фашизма, за власть трудящихся, за преодоление капиталистического классового общества».

«Разумеется, предпосылкой нашей борьбы является строительство нашей организации. Конференция занялась и этим вопросом. Сентябрьская венская конференция выбрала партийное руководство, которое, правда, получило свои полномочия лишь от венских товарищей, но временно исполняло обязанности и общепартийного центра. Ныне общеавстрийская конференция избрала Временный Общеавстрийский Комитет, составленный из трех венских товарищей и трех представителей Революционных Социалистов провинции. До созыва партийного съезда на него возложена обязанность принимать все принципиально важные постановления для всей партии и готовить партийный съезд».

«От внимания конференции не ускользнуло, насколько борьба австрийского пролетариата зависит от развития международной обстановки. Австрия более, чем когда либо, влечена в сеть той борьбы, которая ведется между государствами западной и средней Европы; поэтому австрийский пролетариат теперь менее, чем когда-либо, мог бы отказаться от теснейшей связи с крупными рабочими партиями западной и средней Европы, объединенными в Рабочем Социалистическом Интернационале. Но, с другой стороны, австрийский пролетариат чувствует свою тесную связь с грандиозным социалистическим строительством в Советском Союзе и по собственному опыту знает, что преодоление всякой междусоборщицы внутри классово-сознательного пролетариата является предпосылкой победы. Поэтому конференция единогласно одобрила позицию своих делегатов, борющихся на парижском заседании Исполкома РСИ, совместно с представителями шести других социалистических партий, за международный единый фронт пролетариата, и поручила своим делегатам продолжать в рамках РСИ работу по созданию предпосылок для осуществления такого фронта».

«Если венская конференция была первым, то общепартийная конференция вторым шагом на пути к построению в Австрии социалистической партии, которая, будучи наследницей великих достижений старой партии, должна и будет на новых путях и под новым руководством вести австрийский пролетариат к новым целям. Третьим, заключительным шагом, должен быть и будет учредительный съезд новой партии».

ПО РОССИИ

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ИНОСТРАНКИ *).

(Письмо о России).

...«В Ленинграде нас, интуристов, поджидало несколько роскошных автомобилей. Тысячи людей вокруг нас, нищенски одетых, с узлами и грудными детьми толпились вокруг трамваев и брали места буквально с бою. Поместили нас в грандиозном отеле «Астория», против Исакиевского собора. В отеле — ковры, дорогая мебель, цветы. А за порогом его — истощенные люди, оборванные, грязные... Я еще никогда не видала такой толпы, подавляющее впечатление от которой была бы нищета и истощение...»

...Улицы чистые, здания ремонтируются, много новых по-

* Автор этого письма — немка, коммунистически настроенная, мечтавшая о «стране великого опыта», изучившая русский язык и только что побывавшая интуристкой в СССР.

„КАПИТАЛ“ К. МАРКСА

в переводе Базарова и Степанова.

Все 3 тома в полотно, переплетях. Цена вместо 210 фр. — 70 фр. С пересылкой 100 фр. Заказы направлять в контору «Соц. Вестника».

Издание имеется лишь в ограниченном количестве.

строок. Но люди усталые, угрюмые, почти без исключения. ...Я раздобыла советских денег и стала бродить по городу без провожатых.

Потрясающее впечатление произвели на меня женщины и дети. Равноправие женщины здесь несомненно осуществлено. Женщины работают на тех же началах, что и мужчины. И отношение к ним то же, что к мужчинам. Я вначале была обрадована: думала, что эта моя мечта здесь реализована. Но вскоре увидела, что судьба советской женщины очень тяжела. Женщины как-то особо угрюмы, на них какая-то печать придавленности. Редко-редко встретишь женщину, на платье которой хоть скольконибудь отразилась бы заботливость, стремление к изяществу. Не только не слышишь смеха, не видишь улыбки, но даже не чувствуешь у них молодости. Они все под бременем забот.

Дети здесь не по летам взрослые, очень развитые. Но большинство из них производит впечатление беспризорных и бездомных. Ходят они стайками, задевают прохожих, грубы и дерзки. Памятники, скверы, подворотни — любимые места беспризорных, которые группами бросаются на прохожих и попрошайничают...

После стольких лет революции, после такого строительства поражает, что население ходит нищенски одетое. Целая кожаная обувь редкость, для защиты от мороза на себя напяливают все имеющееся теплое рваное платье... В лавках нет даже самых дешевых овощей. У пекарен — очереди. Окна квартир грязны, заделаны досками, нигде не увидишь ни завески, ни цветов. Часы — здесь редкость, когда узнают, что я — иностранка, то раньше всего спрашивают: который сейчас час.

...Музеи, парки культуры здесь превосходны. Эрмитаж поражает богатством художественных сокровищ. Расположение несколько необычное: эпоха крестьянских войн, эпоха феодализма, империализма и пр. Посетителей много. Руководители дают объяснения.

В парках много спортивных площадок, играют в теннис, состязаются на рапирах, гребут. Аэропланы, у которых рабочие молодежь дают объяснения. И повсюду изречения Ленина и Сталина...

Москва производит впечатление более сытое, чем Ленинград, хотя в основном то же самое. Театры переполнены. В рабочих клубах стали прививать танцы: вальс, мазурку и польку. В больших магазинах открыли даже павильоны мод. Я побывала у своих знакомых, русских. Живут скудно. Имеют по две службы. Жалуются, что нельзя достать классиков: Пушкина, Гоголя, Толстого.

В гостинице постоянный и упорный сыск. Просматривают чемоданы, поделывают, записывают мои приходы и уходы...

Трудно здесь жить... Создается, быть может, новая лучшая жизнь, но пока что необеспечен даже кусок хлеба. А людям, которые привыкли к самостоятельным суждениям, здесь совсем не уютно.

Январь 1935.

Н.

ПИСЬМО ИЗ УКРАИНЫ.

У нас за это время масса новостей. Правда, обо всем этом вам уже известно из газет. Но все же есть некоторые детали, которые вряд ли дошли до вас. Отмена карточек на хлеб, хотя и значительно упрощает нашу жизнь, но все же встречена населением с некоторой тревогой. Хотя еще не опубликовано, но уже известно, что увеличение зарплат коснется лишь низкооплачиваемых категорий рабочих и выражается в сумме 7-25 рубл. в месяц в зависимости от количества едоков. При семье, в среднем, в 5 душ расходный бюджет рабочего должен увеличиться на 30-40 рубл. То-есть, в среднем, 15-20 руб. или, примерно, около 10% зарплаты придется терять на одном хлебе, а, ведь так называемый «приварок» (крупа) тоже еще удорожается. Несмотря на длительную подготовку к этой реформе, торговые организации к ней не готовы, и можно ожидать серьезных перебоев со снабжением хлебом в ряде районов. Не надо, однако, переоценивать эти обстоятельства, так как этому делу уделяется сейчас очень много внимания всеми «властями» предрежущими и повидимому путем местного неофициального регулирования отпуска ненормированных продуктов, в том числе и хлеба, это будет как-то улажено.

Декабрь, 1934. — Украина.

Д.

ИЗ ПАРТИИ

ПАРТИЙНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА О ДВИЖЕНИИ К ЕДИНСТВУ.

От наших партийных организаций в Советском Союзе мы получили следующее сообщение:

«Понимая всю важность наиболее объективного освещения преобладающих точек зрения по интересующим вас вопросам, мы считали необходимым предварительно снестись с основными нашими группами. Казанская телеграмма, ставшая нам известной из «Юманитэ», вызвала среди наших товарищей дискуссию о тактике единого фронта и об увязке его с фактическим положением в Советской России или так называемым русским вопросом. Несмотря на наличие различных мнений и оттенков, значительное большинство товарищей, за очень небольшим исключением, одобряет действия казанцев и расценивает их положительно. Почти все связанные с нами товарищи сходятся на том, что единство рабочего класса является необходимой предпосылкой для наступающего этапа классовой борьбы, и что для успешной борьбы со все разрастающимся фронтом наступающего фашизма необходимо покончить с расколом рабочего движения. Считая целесообразным заключение в зависимости от реальной политической обстановки в отдельных странах местных соглашений по вопросам объединенной борьбы с фашизмом и реакцией, мы вместе с тем считаем необходимым, чтобы вопрос об единстве был поставлен в мировом масштабе.

«Допуская, что проводимая Коминтерном тактика единства продиктована в известной мере интересами советской внешней политики и что это только, так сказать, маневр, мы все же убеждены, что под влиянием рабочих масс это становится серьезнейшим фактором

для объединения рабочего класса, который должен быть использован социалистическими партиями и их международным центром для борьбы соединенными силами. Именно поэтому мы не считаем возможным, чтобы единый фронт не коснулся Советского Союза.

«Не выставляя никаких предварительных условий, мы все же не можем не требовать от Заграничной Делегации и Рабочего Социалистического Интернационала — неустанно разъяснять мировому пролетариату, что политика единого фронта требует политических перемен в Союзе».

ПОПРАВКА.

В статье П. Гарви «На опасном пути» («С. В.» № 1) 1-ый абзац 2-ой главы (Опасность раскола РСИ) следует читать так: Игнорирование принципиальной и практической несоместимости демократической и диктаторской концепции социализма лежало в основе первой «венской» попытки преодоления раскола в международном рабочем движении.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 6/1, 12/1, 15/1, 19/1.
Отослано: № 1, 2; № 30.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев), № 41. Январь 1935 г.
Кавказ. Орган независимой национальной мысли. № 12. Париж, декабрь 1934.
Der Kampf, № 1, Jänner 1935.
La Révolution prolétarienne, № 190.
La Vie Socialiste, № 401.
Karl H. Wiik, Finland in der Krisenzeit. Separatabdruck aus der «Roten Revue», Dezember 1934.
Le Combat Marxiste, № 15, janvier 1935.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1935 г. НА ЖУРНАЛ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центр. орган Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии — Основан Л. МАРТОВЫМ

(15-ый год издания. — Выходит 10 и 25 числа каждого месяца)

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год — 80 фр., за 1/2 г. — 40 фр., за 1/4 г. — 20 фр.; для остальных стран: за год — 100 фр., за 1/2 г. — 50 фр., за 1/4 г. — 25 фр.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО №: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии — 3 фр., двойного — 5 фр.; для остальных стран — 4 фр., двойного — 6 франков.

ПРЕМИИ:

А) При заказе непосредственно в конторе журнала и оплате подписной платы за полный год вперед — подписчик получает бесплатно по его выбору:

- а) одну из следующих книг: 1) Ю. Мартов — Записки социалдемократа, 2) Ф. Дан — Два года скитаний, 3) А. Югов — Пятилетка (на русском или франц. языке), 4) Сочинения Г. Плеханова — т. I (Социализм и политическая борьба, Наши разногласия и др.) Изд. Женева, 5) Две брошюры Л. Мартова: а) Рабочее Дело в России и б) Красное

Знамя в России с предисл. Аксельрода, 6) Konzentrationslager (Adolf Hitler, deine Opfer klagen an!), 7) Lucien Laurat — Economie dirigée et Socialisation.

или б) абонемент на одно из следующих изданий:

- 1) «Kampf» — на 1/2 г., 2) «Zeitschrift für Sozialismus» — на 1/2 г., 3) «Révolte» — на 1/2 г., 4) «La Bataille Socialiste» — на 1 г., 5) «Le Combat Marxiste» — на 1 год.

Б) Каждое лицо, наwerbавшее 5 новых абонентов, оплативших подписку не менее чем за 1/2 года вперед, — получает бесплатно:

Nouveau Petit Larousse Illustré, 1934.

а наwerbавшее 10 новых подписчиков получает бесплатно по его выбору:

- а) абонемент на «Социал. Вестник» на 1 год.
б) переплетенный комплект «Соц. Вестника» за 1933 г. или 1934 г.
в) «Капитал» Маркса, — 3 т. в полотноных переплетах, перевод Базарова-Степанова.

Во избежание задержки в работе экспедиции, просим заказы сдавать своевременно